
СТРАНИЧКА ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО БЛОКНОТА

В. БЕЛОВ

«ГРУЗ
ЖИЗНЕННЫХ
ВПЕЧАТЛЕНИЙ»

Инна у Горация. Какая еще Инна? И почему у Горация? Чушь какая-то. Чушь-то чушь, но иначе я никогда не запомню это слово: и на у гура ция. А почему надо обязательно запоминать это слово? Добро бы я изучал английский. Да и какое мне дело до этой заокеанской, в общем-то, неинтересной для меня церемонии? Дома, в Вологде, заботы почище...

Казалось бы, все так и есть. Но слово уличной шавкойцепляется за штаны. Мол, нет, голубчик, так просто ты от меня не отвертишься! Хочешь не хочешь, а запоминай.

И вот я начинаю медленно постигать психологию корреспондентов и редакторов, которые волокут на страницы газет иноязычные выражения. Начинаю понимать и дикторов телевидения, которые с таким странным удовольствием произносят все эти «мюзикл», «форвард», хотя сочетания «рв» и «рд» в одном слове совершенно неестественны для русского слуха и произношения. Зловещее это явление объясняется весьма просто. Во-первых, русский человек падок на все новое, необычное. (Что хорошо, что плохо, разберемся потом, а пока хватай все подряд, заглатывай.) Во-вторых, кому охота выглядеть отсталым, прослыть приверженцем патриархальности в языке? Того и гляди в разных смертных грехах обвинят. Вот и изворачиваешься,

чтобы запомнить, усвоить слово, которое так и хочется выплюнуть.

* * *

В одной из газет (кажется, под рубрикой «Были старого манежа») автор заметки ставит цирковую свинью на «задние лапы». Но если у свиньи лапы, то почему бы не приделать копыта — ну, например, коту? Знал бы ходил, постукивал. Конечно, в цирке бывают номера и похлеще...

* * *

Рассказывать о писательстве, о мастерстве, о творческом процессе и т. д. — это все равно что публично, с трибуны доказывать о собственной интимно-семейной жизни. Рационалист-исследователь или просто праздный читатель, жаждущий понять так называемую творческую кухню, напоминает человека, подглядывающего в замочную скважину. По-моему, даже одно такое желание (то есть несовершенное действие) — постыдно.

Ум рационалиста, как и праздное любопытство извращенной души, стремится к срыванию всех и всяких покровов. (В некоторых странах уже существуют так называемые сексуальные консультации,

ничто вроде пунктов скорой сексуальной помощи.)

Многие люди не выносят самого факта существования тайн. Непостижимое для таких людей само по себе представляется почему-то оскорбительным. Отсюда — бес совестность и бесстыдство, может быть даже и неосознанные. Почему ты пишешь? — спрашивает анкета.—Как ты пишешь? Что предшествует творческому акту, каково... И т. д. Тьфу! Да откуда я знаю? И потом, есть же ведь еще и такие вещи, о которых говорить неприлично, нехорошо, не принято.

* * *

Недавно на улице меня остановил пожилой, совершенно неизвестный человек. Между нами ни с того ни с сего произошел разговор (записываю словно): «Можно задать вам вопрос?» — «Пожалуйста». — «Вот скажи, почему ты бороду носишь?» — «Потому что растет». — «У меня тоже растет, да я ее брею». — «А почему вы ее бреете?» — «Да чтобы пыли, грязи на лице не было». — «Так ведь мыться надо!» Возмущенный, он пошел прочь.

На вопрос «Почему вы пишете?» меня подмывает ответить грубостью, то есть вопросом же: «А почему вы не пишете?» Но боязнь выглядеть снобом сильнее... Приходится отвечать.

Хотя бы и самому себе, поскольку никогда еще не спрашивал об этом сам себя. Итак, почему все-таки?

* * *

...С годами становится слишком велик, непосилен груз жизненных впечатлений. Не знаю, как для других, а для меня есть, существует предел тяжести впечатлений. Освобождаясь хотя бы частично от излишней непосильной тяжести, я еще могу какое-то время жить, существовать физически. Писательство для меня — это прежде всего физиологическая жизненная потребность, одно из необходимых условий моего существования. По моим понятиям, писатель — это очень впечатлительный человек, не обладающий естественной для человека способностью забывать и вынужденный освобождаться от непосильного груза своим способом. Писателями становятся вовсе не от хорошей жизни.

* * *

Признак настоящего писателя в наше беспокойное время: нестихающая совесть. Способность прощать всех, кроме себя. Мне кажется, что Л. Н. Толстой до самой смерти не мог забыть ни одного своего дурного поступка (даже самого незначительного, на наш взгляд).

Не оттого ли такая безжалостность самообличения, бесконечные нравственные искания, идея самоусовершенствования и т. д.?

* * *

Почему нынче развились такая страсть к предисловиям? Книга без предисловия уже вроде бы и не книга. Причин много. Вот некоторые из них: малодушие редактора, стремящегося с кем-то наполовину поделить ответственность за содержание или качество книги.

Тщеславие автора предисловия, великодушно дающего аттестацию молодому автору.

Критический снобизм, сопровождающий не только обычным заработком, но и возможностью пофамильярничать с тенью, например, Фолкнера.

Ну, и так далее...

Лишь одно издательство «Малыш» не злоупотребляет пока предисловиями.

* * *

Известность, слава, популярность... Не такая уж это радость для писателя. Почему, собственно, многим кажется, что любой человек ощущает радость, когда о нем узнают все больше и больше людей? Нет ничего отвратительнее того чувства, когда знаешь, что тебя знают многие люди, а сам ты

не знаешь их и никогда не сможешь узнать. Ничего хорошего нету и в том, что тебя мысленно обозревают, догола раздевают духовно, прикидывают, на что ты гож. Наконец, публично дорисовывают твою фигуру при помощи собственной фантазии. И до того искасят истинный твой облик, что ты и сам иногда забываешь, кто ты такой. А то вдруг начинаешь думать навязанными извне категориями. Может быть, иная киноактриса не смогла бы стать звездой без восторженных кликов многомиллионного своего партнера и собеседника, то есть зрителя. Может быть, футболиста, эстрадного певца, тореадора создает и творит по своему усмотрению тот же многогликий зритель и слушатель. Для кого-то, может быть, и годится такой способ формирования. Но только не для писателя.

* * *

Имя молодого, нетерпеливого и слабохарактерного писа-

теля можно сравнить с жевательной разинкой: с нее сначала срывают обертку, затем долго жуют, после выплевывают на асфальт. И она пристает к подошвам прохожих, пока не потеряет свойства прилипчивости.

* * *

Многие талантливые люди, в том числе писатели, редакторы и журналисты, глушат свою совесть демагогической ссылкой на то, что у них нет таланта. Мол, поддела такому-то, у него талант от бога, а что я?

По-видимому, это самый удобный способ замаскировать леность или трусость, сделать вид, что нет ни лени, ни трусости, что ты, в общем-то, честный человек. То есть придушить совесть. А придушить совесть — это все равно что придушить собственное дитя, а потом убедить себя в том, что ничего страшного не произошло.

г. Вологда

С. КРУТИЛИН

МОИ ФРОНТОВЫЕ ДРУЗЬЯ

«Я прочитал роман Сергея Крутилина «Апраксин бор», — пишет в издательство «Молодая гвардия» заместитель главного инженера Чувашского кол-

хозно-строительного объединения И. Иванов. — В романе герой Артиков имеет специальность техника-строителя. Он призывался в армию в При-